инструмента получения доказательства с параллельным совершенствованием знаний в сфере программного обеспечения и использования компьютерной техники всех участников судопроизводства. Данное действие упростит использование скриншота как мгновенного снимка с экрана компьютера в качестве доказательства в арбитражном и иных видах судопроизводства.

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37800/ (дата обращения 18.10.2020)
2. Гаврилов Е.В. К вопросу о месте скриншотов в системе доказательств в гражданском и арбитражном процессах // Технологии XXI века в юриспруденции. Материалы Второй международной научно-практической конференции. Под редакцией Д.В. Бахтеева. 2020. - С. 393-397.
3. Гаврилов Е.В. Скриншот как доказательство в арбитражном процессе // Арбитражные споры. - 2020. - № 2 (90). - С. 75-92.
4. Гражданский процесс: учебник для студентов высших юридических учебных заведений / Д.Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, В. П. Воложанин [и др.]; отв. ред. В. В. Ярков. 10-е изд., перераб. и доп. - М.: Статут, 2017. – 720 с.
5. Иванова Е.В. Скриншот - цифровая возможность в процессе доказывания: проблемные аспекты // Право и государство: теория и практика. - 2019. - № 12 (180). - С. 180-182.
6. Макаров М. А. Использование скриншотов в качестве доказательств в российском арбитражном процессе // Молодой ученый. - 2019. - № 1 (239). - С. 107-109.
7. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 N 10 // Консультант Плюс: справ, правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_323470/ (дата обращения 25.11.2020)
8. Порохов М.Ю. Новые виды доказательств в практике арбитражных судов // Актуальные проблемы частного и публичного права. Материалы межвузовской научно-практической конференции. Составитель В.А. Максимов. - 2019. - С. 136-140.

Мирзаева А.А.

Круг лиц, которые могут быть признаны несостоятельными, и принцип справедливости: некоторые вопросы соотношения

*Московский финансово-юридический университет МФЮА
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-142

idsp: ljjournal-01-2021-142

Аннотация

Представленная статья посвящена рассмотрению достаточно узкого «места» реализации общеправового принципа справедливости в рамках отношений по признанию субъектов гражданского оборота несостоятельными, а именно круга лиц, которые не могут быть признаны банкротами. Отмечается наличие легально предусмотренных исключений из принципа равенства субъектов гражданских отношений. Обращается внимание на несоблюдение принципа справедливости при определении данного круга организационно-правовых форм.

Ключевые слова: юридические лица, признание банкротом, принцип справедливости.

Abstract

Presented article is devoted to fairly narrow «places» implementation of the General legal principle of fairness in the framework of relations for the recognition of subjects of civil turnover untenable, namely a circle of persons which cannot be declared insolvent. It is noted that there are legally stipulated exceptions to the principle of equality of subjects of civil

relations. Attention is drawn to the non-observance of the principle of fairness in determining this range of organizational and legal forms.

Keywords: legal entities, recognition of bankruptcy, the principle of justice.

Банкротство, за период его существования в современных рыночных отношениях, уже стало полноценным инструментом и институтом отечественной правовой парадигмы. Оно позволяет избавить гражданский оборот от «нерадивых предпринимателей» и цивилизованно разрешать конфликты между должниками и кредиторами. Будет верным также констатировать и значение изучаемого явления как одного из проявлений концепта принципа справедливости.

Между тем, что же представляет собой справедливость? Анализ специальной литературы по данному вопросу позволяет говорить о многоаспектном трактовании существа этого явления. К примеру, как цели публичного управления, как инструмента такового, и, наконец, как особого принципа [1; С. 99]. Именно в последнем разрезе представленная категория используется чаще всего, что, однако, не позволяет говорить о наличии ее устоявшегося понимания, но чаще всего ее суть рассматривается как как «некий компромисс интересов отдельных людей, социальных групп» [2; С. 6].

Особенное звучание категория справедливости принимает в отношениях в сфере банкротства. Базовый конфликт между должником и кредитором должен получать разумное разрешение, невозможное без ориентации на справедливое нахождение компромисса. По весьма обоснованному пониманию ряда авторов, справедливость позволяет в общезначимом смысле нивелировать негативное влияние на гражданский оборот тех его участников, которые не смогли выполнить принятые на себя обязанности [3; С. 24].

Сам ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ о банкротстве) [4] (как и его предшественники) не определяет справедливость как основополагающий принцип банкротства. Однако роль и значение принципа справедливости в изучаемой нише были не раз раскрыты правоприменителем, в том числе и Конституционным Судом РФ – еще в 2002 г. указанный орган дополнительно подчеркнул, что цель всего процесса несостоятельности состоит в удовлетворении частно-экономических интересов, т.е. «справедливом и соразмерном удовлетворении требований кредиторов» [5].

Аналогичную позицию содержат и новейшие источники судебной практики [6]. Подобное понимание неоднократно было предметом и теоретических исследований [8]. Как верно отмечает В.А. Вайпан: «В практике дел о несостоятельности (банкротстве) имеется много примеров подобного решения дел на основе поиска баланса интересов сторон в контексте справедливости. При этом выделяются различные разновидности юридических приемов (подходов, критериев) по выявлению справедливого баланса интересов субъектов предпринимательской деятельности» [9; С. 108]. Тот же автор подчеркивает, что справедливость выражается в нормативных требованиях, а именно в закреплении правовыми предписаниями равных правовых возможностей для всех субъектов [10; С. 17].

Отметим, что как раз с субъектным составом отношений в сфере несостоятельности все достаточно просто – перечень таких лиц четко закреплён в п. 1 ст. 34 ФЗ о банкротстве. В качестве основного субъекта в данном перечне, конечно же, следует выделять должника. Чаще всего банкротами становятся организации, наделяемые сущностным признаком имущественной обособленности для удовлетворения любого кредиторского интереса. ФЗ о банкротстве не обозначает круг организаций, подлежащих, при наличии указанных им же признаков, проведению процедур банкротства. Между тем, более детальный анализ ГК РФ и фундирующего акта в этой сфере позволяет обозначить наличие дифференцированного подхода законодателя к различным организационно-правовым формам таковых.

С одной стороны, ФЗ о банкротстве, а точнее его глава IX «Особенности банкротства отдельных категорий должников – юридических лиц», предусматривает существование значительных особенностей в установлении правил признания несостоятельными отдельных юридических лиц.

Так, очевидно, что применение классических правил о банкротстве не целесообразно в отношении кредитных организаций. Слишком размытые сроки способны исключить возможность восстановления имущественного положения должника и своевременного удовлетворения интересов кредиторов.

Изначально указанная глава не была столь обширна, в частности, в 2011 г. она была дополнена § 7 «Банкротство застройщиков». Специальные нормы скорректировали применительно к банкротству застройщиков общую очередность удовлетворения требований кредиторов, «отодвинув» «расчеты с другими кредиторами» в пользу обычных граждан. Думается, это соответствует принципу справедливости в разрезе защиты слабой стороны правоотношений. Но предписания ГК РФ (в отличии от самого ФЗ о банкротстве) позволяют резюмировать выделение ряда организационно-правовых форм, для которых действие данного закона фактически исключено: «Юридическое лицо, за исключением казенного предприятия, учреждения, политической партии и религиозной организации, по решению суда может быть признано несостоятельным (банкротом). ... Публично-правовая компания не может быть признана несостоятельной (банкротом)».

Дальнейшее комплексное трактование этой и последующей норм основного кодифицированного акта гражданского законодательства позволяет резюмировать достаточно интересный метод конструирования правовых предписаний относительно таких лиц, как государственные компании или корпорации и фонды. В отношении первой возможность применения процесса несостоятельности связывается со специальным разрешительным указанием в законе, который стал основой создания и функционирования таковой; во втором случае – с наличием запретительного указания в аналогичном акте.

Столь сложная конструкция текста указанной нормы, позволяет сделать следующий вывод. Как видим, публичное участие в создании и деятельности определенного юридического лица определяет фактическую невозможность инициирования процесса банкротства.

В конечном итоге это не позволяет удовлетворить требования кредиторов подобных субъектов за счет продажи имущественной массы таковых при наличии реальных признаков несостоятельности. Таким образом, правотворец, как учредитель, используя свои властные полномочия, искусственно ограждает имущество «своих» юридических лиц (по существу, свое имущество) от полной ответственности. Представляется, что при таких исходных данных государство или муниципальный собственник должны принимать этот риск на себя и нести субсидиарную имущественную ответственность за действия созданных и контролируемых им формально самостоятельных участников оборота. Только такое положение вещей способно соответствовать принципу справедливости, уравнивая в положении одновременно кредиторов «публичных» и «частных» юридических лиц. В противном случае разумно полагать, что «появляются все основания считать, что имущественно «безответственные» (государственные или муниципальные) юридические лица расшатывают и подрывают товарно-денежный оборот и основанное на нем рыночное хозяйство» [12; С. 66]. Небольшое легализованное ГК РФ исключение в отношении учреждений и казенных предприятий кардинальным образом ситуацию не меняет.

Особняком в этом списке стоят политической партии и религиозной организации, участие публичных образований в таковых обычно не происходит, мотивы подобных исключений не ясны.

Итак, принцип справедливости в сфере определения круга лиц, которые могут быть признаны банкротами, полагаем, имеет приложение одновременно в двух плоскостях. Во-первых, ФЗ о банкротстве дифференцирует юридические лица на те, к которым применимы общие положения о несостоятельности, и перечень организаций с особым направлением деятельности или статусом, к которым применяются специализированные правила об определении критериев и реализации банкротных процедур. Во-вторых, положения ГК РФ существенно ограничивают круг юридических лиц, которые могут быть признаны банкротами. В отношении лиц, создаваемых публично-правовыми образованиями, представляется, необходимо внедрение субъективного, ситуационного подхода в поиске баланса интересов сторон и возможность привлечения таковых к субсидиарной ответственности. В отношении иных организационно-правовых форм-исключений, для восстановления положения справедливости в указанной плоскости, возможно введение фиксированной суммы уставного капитала, превышающей обычный размер устава общества с ограниченной ответственностью.

1. Понкин И.В. Принцип справедливости публичного управления / под ред. О.А. Кузнецовой, В.Г. Голубцова, Г.Я. Борисевич, Л.В. Боровых, Ю.В. Васильевой, С.Г. Михайлова, С.Б. Полякова // Пермский юридический альманах. Ежегодный научный журнал. – 2018. – № 1. – С. 99 - 105.
2. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: дис. ... д.ю.н. – М., 2006. – 184 с
3. Участие адвоката в гражданском процессе: учебное пособие для магистрантов / А.А. Малов, Ю.Д. Подольский, Е.Р. Русинова и др.; под ред. Н.А. Чудиновской. – Москва: Статут, 2020. – 173 с.
4. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» [в ред. от 10.03.2020] // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
5. Постановление Конституционного Суда РФ от 22 июля 2002 г. № 14 // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 31. – Ст. 3161.
6. Определение Верховного Суда РФ от 1 июля 2016 г. N 306-ЭС16-3230 // СПС «Консультант-Плюс».
7. Подольский Ю.Д. Обособленные споры в банкротстве: монография. – Москва: Статут, 2020. – 171 с.
8. Институт несостоятельности (банкротства) в правовой системе России и зарубежных стран: теория и практика правоприменения: монография / А.Б. Баранова, А.З. Бобылева, В.А. Вайпан и др.; отв. ред. С.А. Карелина, И.В. Фролов. – М.: Юстицинформ, 2020. – 360 с.
9. Вайпан В.А. Теория справедливости: право и экономика: Монография. – М., 2017. – 140 с.
10. Маркварт Э., Курбанов Б. Не такие, как все: применение законодательства о банкротстве к публично-правовым образованиям и публичным юридическим лицам (на примере Германии и России) // Имущественные отношения в Российской Федерации. – 2018. – № 6. – С. 61 - 78.

Мудрая Д.А.

Наименование места происхождения товаров, страна происхождения товаров, маркировка пищевой продукции: соотношение понятий и общая характеристика

*Дальневосточный федеральный университет
(Россия, Владивосток)*

doi: 10.18411/lj-01-2021-143

idsp: ljjournal-01-2021-143

Аннотация

В статье приводится разграничение понятий, связанных с производством и обращением товаров, а именно наименования места происхождения товаров, страны происхождения товаров, маркировки пищевой продукции, на основе анализа действующего законодательства РФ и международных договоров.